

Пообедав, Хэ Чжэньшу всё ещё чувствовал сильную боль в пояснице — стоило наклониться, как резало так, что перехватывало дыхание. В таком состоянии он уже не мог работать, поэтому семья, не смотря на его протесты, отправила домой отдыхать. Впрочем, сам он тоже не хотел оставлять Пэй Чанлиня одного переходить по мосту через реку, поэтому спорить не стал.

Дом семьи Пэй стоял на самом западе деревни, а их поля находились ближе к её окраине — за каменным мостом у конца деревни. Пэй Чанлин поддерживал Хэ Чжэньшу, пока тот ковылял домой. Когда они поднялись на мост, Пэй отчётливо почувствовал, как его муж напрягся и незаметно схватил его рукав.

Он ничего не сказал. Только когда они перешли мост, тихо произнёс:

"Ашу, тебе не нужно так волноваться".

Хэ Чжэньшу растерянно моргнул:

"Что?"

"Я говорю, я буду осторожен" - мягко вздохнул Пэй Чанлин, словно немного беспомощно. "Я не упаду внезапно в реку, не переживай так".

Этот мост стоял недалеко от дома; он проходил по нему с детства, наверное, сотни раз — хоть с закрытыми глазами пройди, всё равно не оступится.

Хэ Чжэньшу тихо пробормотал:

"Но ведь тогда ты именно так и упал..."

"А?" - не понял Пэй Чанлин.

"Ничего" - отвернулся Хэ Чжэньшу. "Осторожность ещё никому не мешает. Кто знает, вдруг опять заболит сердце..."

«Но у меня ведь уже давно не было...» - Пэй Чанлин по привычке хотел возразить, но, заметив тревогу в глазах Хэ Чжэньшу, осёкся и мягко сказал:

"Понял. Больше туда не пойду".

Они пошли дальше. Хэ Чжэньшу всё это время молчал, будто о чем-то задумался.

Слова Пэй Чанлиня невольно напомнили ему о прошлом.

В прошлой жизни Бай Лянь начал лечить Пэй Чанлиня уже на поздней стадии болезни, и

вскоре после смены лекарства тот случайно упал в реку. Хэ Чжэньшу тогда был уверен, что всё произошло потому, что на мосту у него внезапно разболелось сердце.

Но в этой жизни после смены лекарства прошло уже почти полмесяца — и ни одного приступа не случилось.

В душе Хэ Чжэньшу появилось смутное, тревожное чувство.

А в прошлой жизни... он действительно упал из-за сердечного приступа?

...

Когда Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлин вошли в деревню, им навстречу выбежал парень.

"Второй брат Пэй, невестка! Я как раз собирался искать вас в поле!" - к ним, запыхавшись, подбежал Дунцзы.

Хэ Чжэньшу спросил:

"Что случилось?"

"Да я, собственно, не вас ищу — мне нужен старик Пэй" - сказал Дунцзы. "У тёти Ван сломалась шкатулка, она хочет, чтобы старик Пэй помог починить. Но вас дома не было, вот я и шёл к вам".

Хэ Чжэньшу с Пэй Чанлином переглянулись.

Хэ Чжэньшу объяснил:

"Сейчас у нас уборка урожая, отец говорил, что несколько дней не будет брать заказы. Передай тёте Ван, пусть придёт как-нибудь потом".

"Да я-то передам, — замялся Дунцзы, — только, похоже, эта вещь для неё очень важна. Она сильно переживает, сидит сейчас у вас под воротами и ждёт".

Хэ Чжэньшу немного растерялся.

Пэй Чанлин сказал:

"Пойдём, посмотрим".

Он взял Хэ Чжэньшу за руку, и они пошли вперёд.

Дунцзы почесал растрёпанные волосы:

"Так вы не будете звать старика Пэя?"

Когда они подошли к дому Пэев, на пустыре перед воротами под деревом сидело несколько женщин и мужей, оживлённо болтая.

"...А ты не слышала? Старший Чэнь в городке в азартные игры влез, проиграл деньги, отложенные на лекарство сыну. В ту ночь у них в доме скандал стоял до рассвета — всё слышно было, как жена Чэня плачет!"

Говорившая была крестьянкой с ребёнком на руках, держащая старенькую, потёртую шкатулку для украшений. Это и была тётя Ван, которая пришла к старику Пэю.

В деревне Сяхэ было всего несколько десятков дворов — даже если не дружишь с кем-то, всё равно знаешь всех по имени. Женщина рядом с ней была тоже знакома Хэ Чжэньшу — соседка из семьи Ли, по девичьей фамилии Чжан.

Чжан, очищая фасоль, кивнула:

"Так вот почему я слышала, что жена Чэня недавно уехала с сыном к родителям!"

"А то как же!" - подхватила тётя Ван. "Мать с сыном до сих пор не вернулись. Старший Чэнь как-то раз ходил их искать, так его даже на порог не пустили!"

В деревне развлечений особых не было, поэтому женщины и мужья любили собираться вместе и перемывать кости соседям. То у кого-то ребёнка отругали, то супруги поссорились — разговоров хватало всегда.

Хэ Чжэньшу вместе с Пэй Чанлинем подошли поближе и поздоровались.

"О, Чанлин вернулся!" - обрадовалась тётя Ван, прерывая сплетню. Увидев, что двое идут, держась за руки, она с улыбкой сказала: "Ай да молодые, недавно поженились — всё вместе, всё душа в душу. Не то что мой — живём столько лет, а теперь и домой почти не приходит!"

"Да ладно тебе, — засмеялась Чжан, — дядя Ван ведь в город ездит на подработку, не до того ему".

Хэ Чжэньшу неловко опустил взгляд, не зная, что ответить на такие подколки.

Тётя Ван снова спросила:

"А старик Пэй не вернулся?"

Пэй Чанлин не спешил отвечать — взгляд его упал на шкатулку в руках тёти Ван.

"Тётя Ван, вы хотите, это починить? Можно взглянуть?"

"Ты тоже умеешь чинить?" - удивилась она, немного помедлив, но всё же протянула ему вещь. «Если не уверен, не порти, ладно? А то тётке потом опять придется идти к плотнику Пэю».

Пэй Чанлин раньше редко выходил из дома и почти ни с кем не общался, поэтому в деревне мало кто знал, что он тоже разбирается в столярном деле.

Он не стал ничего объяснять — просто взял шкатулку и внимательно осмотрел её.

Шкатулке, казалось, уже было много лет: лак потускнел, поверхность покрылась пятнами, а одна из створок двустворчатой крышки покосилась и едва держалась на петле.

"Дерево, на котором держалась петля, сгнило" - сказал Пэй Чанлин, быстро осмотрев. "Внутри обломилось".

Он сразу понял, в чём дело, вернул шкатулку тётке Ван и, поддерживая Хэ Чжэньшу, добавил:

"Пойдёмте, тётя Ван, со мной".

Вернувшись домой, Пэй Чанлин усадил Хэ Чжэньшу во дворе и только после этого пошёл в сарай за инструментами и подходящей дощечкой.

Калитка оставалась открытой, и вскоре несколько женщин и мужчин, сидевших раньше у ворот, собрались у входа, с любопытством заглядывая во двор.

"Разве второй сын в семье Пэев не больной? Говорили, что из-за болезни даже ремеслу не обучался!"

"Да, я тоже слышала, что он ничего не умеет. Зимка, ты ведь с ними хорошо ладишь — разве не знал?"

Парень по имени Дунцзы, не сумев протиснуться сквозь толпу, сидел у стены и покачал головой:

"Не знаю".

"Да откуда ему знать-то?" — вмешалась одна из женщин. "Столько просился в ученики к

старому Пэю — а тот всё равно не взял. Теперь ясно: не хотел делиться секретами, решил всё сыну передать!"

"И правильно сделал" - поддакнула другая. "Если парень вправду выучится плотницкому делу, чего добру зря пропадать — нечего отдавать чужим".

"Да для начала пусть попробует хоть топор поднять" - раздался чей-то насмешливый голос за забором. "Этот дохляк едва на ногах стоит, а ещё и чинить что-то собрался. Тётя Ван не боится, что он ей всё испортит?"

Хэ Чжэньшу сидел во дворе, спокойно слушая всё это, никак не реагируя, а вот тётя Ван заметно смутилась — на лице проступило раздражение.

"Чего вы там разорались? Делом займитесь!" - крикнула она в сторону ворот.

Сплетни сразу утихли, но народ не разошёлся: стояли на месте, вытягивая шеи, чтобы хоть краем глаза увидеть, что будет дальше.

Все они пришли посмотреть на чужой позор.

Тётя Ван и сама занервничала. Она понизила голос и спросила у Хэ Чжэньшу:

"Муж твой... правда умеет чинить такие вещи? Это ведь моё свадебное приданое, если испортит — сердце разорвётся".

В деревне мало кто знал, что Пэй Чанлин действительно владел ремеслом отца, поэтому сомнения были естественны. Тем более, за эти годы многие не раз пытались выпросить у старого Пэя стать его учеником — приносили подарки, кланялись, упрашивали.

Но старый Пэй никого не брал. И если спрашивали, почему, отвечал резко:

"Нет таланта. Нет терпения. Не годится для этого дела".

Эти слова задевали многих. Люди обижались, наговаривали за спиной — мол, просто боится, что его ремесло пропадёт, потому что сын хилый, работать не может, и наследовать мастерство некому.

Хэ Чжэньшу знал всё это очень хорошо.

Люди, что сейчас толпились за забором, вовсе не пришли посмотреть, как Пэй Чанлин починит вещь. Им было куда интереснее увидеть, как он опозорится.

Хэ Чжэньшу, подумав об этом, ощутил неприятную тяжесть в груди. Чтобы хоть как-то уколоть их в ответ, он нарочно громко сказал:

"Мой муж очень умелый, не переживайте!"

В этот момент Пэй Чанлин как раз вышел с инструментами.

Услышав, как его маленький супруг так уверенно хвастается, он не удержался и мягко улыбнулся.

Хэ Чжэньшу, неожиданно встретив этот взгляд и улыбку, вдруг почувствовал, как уши покрываются краской. Он быстро отвернулся.

На самом деле, починить шкатулку было несложно: нужно было лишь вынуть сгнившую ось дверцы и заменить её новой.

Для Пэй Чанлина это было минутным делом. Он почти не приложил усилий — аккуратно выстругал кусочек древесины нужного размера и вставил его на место.

На это ушло меньше времени, чем сгорает одна палочка благовоний.

Тётя Ван смотрела во все глаза, поражённая.

Поскольку повреждение было небольшим, Пэй Чанлин даже не взял платы за работу.

Когда тётя Ван, сияя, вышла из двора с уже исправленной шкатулкой, её тут же обступили те самые любопытные, что стояли снаружи, жаждущие услышать, чем всё закончилось.

"Правда починил? Так быстро?"

"Даже сам мастер Пэй не сделал бы это так быстро!"

"Да у младшего Пэя руки золотые! Не хуже, чем у его отца!"

Толпа загудела, каждый наперебой высказывался, а кто-то даже потянулся рукой что бы потрогать и убедиться, что шкатулка и вправду отремонтирована.

Но тётя Ван громко прикрикнула, отгоняя всех любопытных.

Потом, повернувшись к двору Пэев, она увидела, как Пэй Чанлин убирает инструменты, помогает своему мужу подняться и уводит его в дом.

Тот хилый мальчишка всё ещё выглядел болезненно худым, но даже по одному только силуэту было видно — духом он стал совсем другим, не таким, как прежде.

"Неужели брак ради удачи и правда помогает?" - пробормотала тётя Ван себе под нос.

Затем, заметив, что Дунцзы всё ещё сидит на корточках у стены, крикнула ему:

"Что ты там застрял? Ещё не ел, небось? Пойдём ко мне, пообедаем!"

Пэй Чанлин отвёл Хэ Чжэньшу в дом, а тот сразу улёгся на кровать.

Хотя по ночам он всё ещё спал на подстилке на полу, кровать Пэя тоже ему уже не была чужой.

За последнее время они сильно сблизились, а после нескольких ночей в одной постели, когда жили в уезде Циншань, Хэ Чжэньшу уже не чувствовал прежнего смущения.

Зато Пэй Чанлин, напротив, выглядел так неловко, что со стороны можно было подумать, будто он и есть «младшая сторона» в браке.

Не прошло и нескольких минут, как Пэй снова вышел, а вернулся уже с маленьким флаконом в руках.

"Это целебная настойка" - сказал он. "Намажь больное место и помассируй — быстрее заживёт".

В деревне умели хорошо лечить ушибы и растяжения — опыт был многолетний.

У Хэ Чжэньшу всё началось просто от непривычки: он ведь редко нагибался и не занимался тяжёлой работой, вот и перенапряг спину.

Если теперь не обработать как следует, придётся несколько дней пролежать без движения.

Пэй Чанлин, спокойно объяснив это, поставил пузырёк с настойкой у изголовья кровати.

Хэ Чжэньшу посмотрел на него, потом на бутылочку — и вздохнул без сил.

Он-то всё понимал... но растяжение ведь на пояснице. Как он должен сам себе туда мазь втереть?

Пэй Чанлин, кажется, тоже об этом подумал. Он выпрямился и, немного растерявшись,

пробормотал:

"Я... я схожу в соседний дом, позову кого-нибудь..."

"Кого ты собрался звать?" - Хэ Чжэньшу чуть не рассмеялся. "Ты хочешь, чтобы какой-нибудь другой пришёл и помазал мне спину? И если это разнесут по деревне, как ты думаешь, что скажут?"

Подумают ведь, что Пэй Чанлин даже прикоснуться к своему супругу не хочет".

"Но..."

Он всё ещё колебался, и Хэ Чжэньшу только тихо выдохнул, переворачиваясь на живот:

"Помоги мне сам".

Хотя сказал он это вроде спокойно, но сердце забилося заметно быстрее. Он уткнулся лицом в подушку, чувствуя, как Пэй Чанлин медленно приподнимает подол его рубахи, обнажая узкую полоску кожи на пояснице.

Хэ Чжэньшу тут же вспыхнул — уши пылали, тело напряглось, а когда к спине коснулось что-то тёплое, он невольно вздрогнул.

Пэй Чанлин смочил тряпочку подогретой настойкой и осторожно положил её на растянутое место.

"Я..." - голос его дрогнул, он, кажется, смутился не меньше. "Я... начинаю".

Хэ Чжэньшу, не поднимая головы, глухо ответил:

"Мм".

Руки у Пэй Чанлина были длинные, ладони широкие — почти полностью охватывали тонкую талию Хэ Чжэньшу.

Он положил их поверх ткани, осторожно надавил пальцами — и почувствовал, как тело под рукой резко вздрогнуло.

Пэй Чанлин тут же отдернул руку:

"Больно?"

Хэ Чжэньшу прикусил губу:

"...Немного".

Но боль была не главной.

Ощущения были странными, непривычными.

Поясница — место чувствительное; влажная ткань, пропитанная горячей настойкой, плотно прилегала к коже, а лёгкое жжение расплывалось волнами по всему телу, обостряя каждое касание.

Хэ Чжэньшу не оборачивался, но ясно представлял, как эти руки двигаются по его коже — мягко, размеренно, осторожно, будто дышат вместе с ним.

От этого по спине пробежала дрожь, и всё внутри сжалось от непонятного щекочущего жара.

Слишком странно.

Наверное, его реакция напугала Пэй Чанлина — тот надолго замер, не решаясь продолжать.

Хэ Чжэньшу, не поднимая головы, глухо пробормотал:

"Н-ничего... продолжай".

Это же просто лечение, — уговаривал он себя. В лечебнице врач делал бы то же самое. Ничего особенного.

Но самоубеждение мало помогало.

Стоило Пэй Чанлину вновь положить ладони на поясницу, как от этого жара по всему телу словно разлился ток.

Хэ Чжэньшу прикусил губу, стараясь не шевелиться, но тело всё равно невольно отозвалось — лёгким движением, едва заметным изгибом.

Лицо и шея мгновенно вспыхнули.

"...Не шевелись так" - тихо произнёс Пэй Чанлин.

"Что?" - спросил Хэ Чжэньшу, не расслышав.

"Ничего" - коротко ответил тот.

Пэй Чанлин отдернул руку.

Хэ Чжэньшу повернул голову и только тогда заметил, что дыхание у того сбилось, грудь тяжело вздымалась.

Он сразу приподнялся и тревожно спросил:

"Ты в порядке? Опять сердце болит?"

"Нет, всё нормально".

Пэй Чанлин не посмотрел на него.

Он снял влажную ткань с его поясицы, вытер руки, аккуратно поправил одеяло:

"Полежи немного... я... я выйду подышать".

Сказал — и почти убежал, не оглядываясь. В спине его чувствовалась поспешность, будто он спасался бегством.

Хэ Чжэньшу растерянно моргнул:

"Что?.."

С чего бы это ему вдруг понадобилось проветриться?

Только недавно по дороге тот уверял, что давно уже не чувствует приступов. Похоже, совсем не поправился.

Подумав так, он крикнул в сторону двери:

"Если тебе плохо, скажи мне, не молчи!"

Ответа не последовало.

За дверью Пэй Чанлин стоял, прижавшись спиной к косяку, глубоко вдыхая воздух, но никак не мог унять жар, разливавшийся по телу.

Он неловко дернул себя за край одежды, будто это могло помочь, и быстрыми шагами вышел во двор. Там он зачерпнул ладонями холодной воды и несколько раз плеснул себе в лицо.

<http://bllate.org/book/14476/1280779>